

Н.В. Дранникова

**«ВСЕСОЮЗНАЯ ЛЕСОПИЛКА»
И «ГОРОД КОРАБЕЛОВ»:
К ВОПРОСУ О ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ЖИТЕЛЕЙ АРХАНГЕЛЬСКА И СЕВЕРОДВИНСКА**

С целью изучения локальной идентичности жителей г. Архангельска и Северодвинска Архангельской области в период с 2000 по 2015 г. нами был проведен опрос местного населения. Предметом исследования является корпус фольклорно-речевых данных, сложившийся в ходе собирательской работы. Особенности локальной идентичности населения Северодвинска и Архангельска тесно связаны с историческими процессами. История Архангельска насчитывает более четырех веков, в историко-культурном смысле он воспринимался как центральный город Русского Севера и «средоточие» традиционной культуры. Архангельску противоположен Северодвинск, возникший как индустриальный город. Локальная идентичность северодвинцев демонстрирует ценности модернизированного общества, которые можно отнести к сфере цивилизации, но не культуры.

Ключевые слова: локальная идентичность, Архангельск, Северодвинск, фольклор.

Natalia V. Drannikova

**“ALL-SOVIET UNION SAWMILL”
AND “THE CITY OF SHIPBUILDERS”:
TO THE QUESTION OF THE LOCAL IDENTIFICATION
OF THE ARKHANGELSK
AND SEVERODVINSK INHABITANTS**

Local population survey based on specially developed questionnaire was held to study local identity of Arkhangelsk and Severodvinsk in the Arkhangelsk region (Russian North) from 2000 till 2015. Acquired folklore and speech data allow us to analyze Arkhangelsk and Severodvinsk citizens' local identity distinctive features. The held research allows to make a conclusion, that the Arkhangelsk and Severodvinsk citizens have their own developed local identity, but with different specific characteristics. The local population has their own images of themselves and other people/neighbours. Arkhangelsk was founded as a traditional town, Severodvinsk — during country urbanization processes. Severodvinsk inhabitants have double, or triple identification more often, than Arkhangelsk citizens.

Keywords: local identity, Arkhangelsk, Severodvinsk, Folklore.

Цель статьи — исследование локальной идентичности жителей городов Архангельска и Северодвинска, входящих в состав Архангельской области (Русский Север). Для этого нами был проведен опрос местного населения в период с 2000 по 2015 г. по специальному вопроснику. Ответы респондентов представляют собой устные и письменные тексты, как полученные в ответ на вопросы в ходе беседы, инициированной собирателем, так и спонтанные. Всего было опрошено 500 человек в возрасте от 16 до 90 лет. Многие наши респонденты являются мигрантами в первом, втором или третьем поколении. Ответы были получены в процессе интервьюирования, опросов и бесед. Предметом исследования является корпус фольклорно-речевых данных, сложившийся в ходе собирательской работы. Материалы, полученные во время опроса, находятся в Центре изучения традиционной культуры Северного Арктического федерального университета и составляют фонды № 1, 2, 27.

Проблемы идентичности были предметом исследования многих зарубежных исследователей. Методологическими вопросами идентичности занимался Л. Хонхо [Honko 2013]. Особенно актуально изучение идентичности, по его мнению, в постиндустриальном обществе. Идентичность существует как система, где осознанное и бессознательное взаимодействуют. Он указывает на то, что описание идентичностей происходит с помощью символов и метафор. Ключевыми понятиями для изучения идентичности являются слова «традиция», «культура», «идентичность». Идентичность Л. Хонхо рассматривает как часть традиции, которая раскрывает ее в аспекте культурной коммуникации. Группа объединяется значениями и эмоциями, которые наполняют выбранные символы для представления чувства сплоченности и единства [Ibid.]. Специальное исследование, посвященное роли фольклора в становлении и сохранении идентичности, предпринял А. Дандес [Dundes 1982]. Он пишет, что фольклор — несомненно, один из самых важных и, возможно, самый важный источник для формулировки и увековечения символов группы. А. Дандес предложил понимать термин “folk” не как народ, а как группу. Такой подход позволяет говорить о принадлежности индивида одновременно к нескольким различным фольклорным группам. Необходимо понимать, что фольклор — не просто способ получения данных об идентичности учены-

ми, это один из основных способов, каким индивид или группа открывают или создают свою идентичность [Ibid.].

Локальная идентичность — один из видов территориальной — идентификация человека с местным сообществом, чувство сопричастности к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания. На наш взгляд, она может рассматриваться как отдельный феномен. Локальная идентичность долго оставалась вне поля зрения русских исследователей. В последнее время появились работы, посвященные изучению локальной идентичности населения отдельных регионов России: И.А. Разумовой и О.В. Змеевой (Мурманская обл.) [Змеева, Разумова 2010: 313–319; Разумова 2005: 91–95; 2010: 290–298], Н.В. Дранниковой (Архангельская обл.) [Дранникова, Разумова 2010: 9–27], Е.В. Головневой (Свердловская обл.) [Головнева 2013: 81–88], П.Л. Крупкина и С.Д. Лебедева (Белгород, Владимир, Нижний Новгород) [Крупкин, Лебедев 2013: 35–48] и др. С изучением локальной идентичности тесно связаны исследования, посвященные изучению локального текста города: это работы В.В. Абашева (Пермь) [Абашев 2000], М.Л. Лурье, М.Д. Алексеевского, А.А. Сенькиной, А.М. Жердяевой (Могилев-Подольский, Винницкая обл., Украина) [Алексеевский, Лурье 2008: 196–198; Алексеевский и др. 2008: 419–442; Лурье 2008: 186–196], М.В. Ахметовой (Муром) [Ахметова 2010: 85–111] и др.

Paraskevas Potiropoulos (Греция) [Potiropoulos 2014] исследует особенности локальной идентичности в постиндустриальном обществе. Он обращает внимание на то, что идентичность становится гибкой и гибридной, а связь с местом — символической, хотя и продолжает сохраняться. Важным для нашей работы является понятие *габитус*, рассматриваемое как «представление о социальной действительности» [Бурдье 1998: 60–70] и включающее представление о месте. Проживая на той или иной территории, человек начинает осознавать свое место и оказывается включенным в сеть смыслов, которые реализуются в фольклорно-речевой практике. Е.В. Морозова и Е.В. Улько выделяют следующие критерии локальной идентичности: идентификация с малой родиной, особенностями ландшафта и климата, значимыми историко-культурными событиями, выдающимися людьми, экономической специализацией территорий, уровнем социально-экономического развития, особыми

реальными или приписываемыми чертами коллективного поведения [Морозова, Улько 2008: 139–151].

Города Архангельск и Северодвинск расположены поблизости друг от друга, расстояние между ними составляет около 30 км, но они имеют разную историю. Архангельск — старинный город, вызывающий определенные исторические и этнические ассоциации, Северодвинск — советский индустриальный город. Архангельск был построен в 1584 г. как город-крепость с целью развития международной торговли и для защиты северных рубежей России. Первопоселенцами Архангельска были семьи, переселенные правительством из окрестных деревень [Крестинин 1792]. Состав населения изменился после Первой мировой войны и в большей степени после Гражданской войны — для работы на лесозаводах в Архангельск хлынули жители Архангельской, Вологодской и других губерний [Куратов 2001а: 42; Трошина 2008]. В период индустриализации начиная с середины 1920-х годов в Архангельске строятся новые лесозаводы и модернизируются старые [Коротаев 1998; Шубин 2000]. В это время в официальном государственном дискурсе Архангельск получает название «валютного цеха страны» [Куратов 2001а: 42].

Северодвинск является «новым» городом, индустриальным и социалистическим. Его история начинается в 1936 г. В это время был основан поселок Судострой, на территории которого начал строиться кораблестроительный завод [Куратов 2001в: 364; Шмигельский 2013]. В 1930 г. основное население города составляли заключенные ГУЛАГа (Ягринлага и других лагерей, переведенные сюда для строительства завода) [Бондаревский 1998: 228–255; Мельник 2006: 216–244], а также переселенцы из различных районов Архангельской области и соседних с нею областей [Куратов 2001в: 364]. Факт строительства Северодвинска с помощью насильственной миграции и труда заключенных замалчивался в советский период, официально его первыми строителями считаются 60 человек, прибывших сюда на колесном теплоходе «Иван Калягин». Строительство Северодвинска в официальной истории сравнивалось со стройками первых пятилеток — Комсомольском-на-Амуре, Турксибом и Магниткой. В 1950-е годы судостроительные заводы разрослись и начали оттягивать население из деревень Архангельской и Вологодской областей. Возникновение Северодвинска сходно с образова-

нием городов Кольского Севера, которые в советский период создавались как промышленные города [Разумова 2009].

О наличии локальной идентичности свидетельствует самоназвание (эндоним) местного сообщества. Жители Архангельска называют себя *трескоедами*. С самоназванием связаны многочисленные автореферентные паремии (половицы, поговорки, загадки и пр.), раскрывающие данное прозвище [Дранникова 2004: 80–82], например, жители Архангельска называют свой город *городом доски, тоски* и т.п. [Там же: 270]. Эти наименования основываются на стереотипах о пищевых пристрастиях и поведенческих особенностях местного сообщества и его профессиональных занятиях. Подразумевается, что треска является основной пищей архангелогородцев, что их основное занятие — это работа в лесной промышленности и что они лишены жизнерадостности. Современные горожане используют в своем дискурсе перифрастические наименования своего города, некоторые из них восходят к советской риторике. Они считают, что город знаменит тем, что является *воротами в Арктику, всесоюзной лесопилкой и городом рыбаков*. Архангельск был отправным пунктом всех арктических экспедиций, из него выходили сотни судов по Северному морскому пути [Куратов 2001a: 42]. В наименовании *ворота в Арктику* нашел отражение стереотип, связанный с географическим положением Архангельска. П.Л. Крупкин считает, что представление о локальной географии местного сообщества составляет ядро коллективной идентичности [Крупкин 2010: 303–311]. Наименование *всесоюзная лесопилка* возникло в 1920-е годы, когда в Архангельске появилось много новых лесозаводов [Куратов 2001f: 42]. Характеристика Архангельска как *города рыбаков* восходит к профессиональным занятиям его жителей. Рыба долгое время оставалась основой торговли Архангельска с другими регионами России и странами Запада. В последние два десятилетия в молодежной среде появилось еще одно самоназвание Архангельска — *тупик*. Мотивационная рефлексия наших респондентов включает объяснения, связанные с тем, что в Архангельске заканчивается Северная железная дорога и он находится в 50 км от Белого моря, а также с тем, что в Архангельске более низкий уровень жизни, социально-экономических и культурных возможностей, чем в столице. Несмотря на негативный контекст, тупиковое

положение придает городу особую символическую значимость, которую имеют и некоторые города Кольского Севера, о чем пишет И.А. Разумова [2005: 91–95]. Существование эндонима *трескоеды* и различных перифрастических наименований, которые используют по отношению к своему городу местные жители, свидетельствует о развитом локальном самосознании жителей Архангельска.

Жители Северодвинска называют себя *судостройцами*, а свой город — *городом корабелов*. Данные самоназвания относятся к повествовательным стереотипам советского дискурса. В городе существуют два судостроительных завода, на которых строят атомные подводные лодки. Кроме того, нам встретилось еще одно самоназвание Северодвинска — *подводный атом* [Дранникова 2004: 343], семантически связанное с первым через смысловую доминанту города — деятельность его градообразующего предприятия. Локальная идентичность жителей Северодвинска накладывается на идентичность профессиональную, что отличает их от архангелогородцев.

К факторам, которые поддерживают и укрепляют локальную идентичность, относятся выдающиеся земляки, любимые горожанами маршруты, знаковые места. Конституирующей основой региональной идентичности является локальная мифология. Коллективная память создает в первую очередь образы места и локального сообщества. В ней присутствует рефлексия, касающаяся имени города. Основным этиологическим сюжетом устной городской прозы является сюжет об именнаяречении города. Жители Архангельска придают названию своего города сакральное значение. Город был назван в честь Михайло-Архангельского монастыря, находившегося на месте будущего города, поэтому, по утверждению местных жителей, когда в 1929 г. Архангельск хотели переименовать в Сталинопорт [Агапитов 2001: 44], то не смогли этого сделать. Сакрализации имени города способствует фольклорный сюжет об участии в его именнаяречении царской особы — Петра I. Царь видит сон, в котором к нему является архангел Михаил и говорит о необходимости строительства нового города-порта. На самом деле строительство Архангельска происходило в период правления Ивана Грозного. В архангельской этнокультурной традиции мифологизированный образ Петра I занимает важное место [Дранникова 2004:

228–229]. Во многих устных рассказах Петр I выступает имядателем различных населенных пунктов Архангельской области [Там же].

Большинство жителей Северодвинска могут назвать его предыдущие названия — Молотовск и Судострой. Поскольку название Северодвинска образовано от наименования реки Северной Двины, в устье которой он расположен, то все наши респонденты знают о причинах его происхождения. Основным этиологическим сюжетом истории Северодвинска, по нашим материалам, является предание о происхождении названия острова Ягры, сейчас это микрорайон г. Северодвинска. На Яграх в 1553 г. пришвартовался единственный уцелевший корабль английской экспедиции, которая искала путь через арктические моря в Китай и Индию. Им командовал английский капитан Ричард Ченслер [Шмигельский 2001: 436–437]. Из-за обилия цветущего на острове шиповника англичане называли остров Розовым, именно так он именуется на иностранных картах XVII в. [Кабинина 2011: 131–133], в дальнейшем же финно-угорское слово Ягры¹ местные жители стали возводить к английскому языку, а сам Ричард Ченслер превратился в культурного героя северодвинского фольклора.

В содержании локальной идентичности важное значение имеет культурно-ценностный компонент. Общность проживания в одном месте формирует коллективную память, которая лежит в основе идентификации. Историко-культурная память архангелогородцев чаще всего ограничивается второй половиной XX в., что объясняется, в частности, современной миграционной ситуацией, которая обусловила состав информантов. Однако в нашем архиве есть рассказы о чудесах, произошедших в архангельских церквях в XIX–XX вв. [Дранникова 2015: 35–38], о военном Архангельске, наказании горожан за непочитание святынь и др. К важным событиям в судьбе Архангельска наши респонденты относят строительство в 1693 г. судоверфи [Огородников 1875], преобразованной в 1922 г. в судостроительный завод «Красная кузница»; деятельность Архангель-

---

¹ По мнению Н.В. Кабининой, название *Ягры* образовано от саамского типа *агра ‘прибрежная отмель’. «В виде ягра, агра ‘обнажающаяся при морском отливе каменистая или песчаная полоса берега’ <...> Со временем двинские отмели превратились в острова» [Кабинина 2011: 131–133].

ского морского порта, который был первым в истории России; основание в 1701 г. в период Северной войны, Новодвинской крепости [Крестинин 1792]; разрушение Троицкого кафедрального собора (1928–1931); морские конвои, приходившие во время Второй мировой войны в Архангельск из других стран [Супрун 1997].

Историко-культурная память жителей индустриального города Северодвинска включает события советского периода. В качестве знаменательных событий в истории города называются ремонт атомного ледокола «Ленин» (1967–1970) на судоремонтном заводе «Звездочка» и награждение за это событие Северодвинска орденом Ленина (1983). Исключением являются северодвинцы, которые знают исторические факты о том, что город был основан на месте Николо-Корельского монастыря, известного с 1419 г., что на его территории были похоронены сыновья новгородской посадницы Марфы Борецкой, погибшие в 1471 г. в Белом море [Сойкин 1994: 44–47; Мельник 2013: 37–40]. Знание о двух последних фактах почерпнуто в основном из литературных краеведческих публикаций.

Исторические события, оставшиеся в памяти жителей Архангельска и Северодвинска, представляют собой «контртекст», адаптирующий и инвертирующий известные образы и события в соответствии с народной традицией. Проведенное нами исследование подтверждает наличие коллективной памяти у представителей архангельского и северодвинского сообществ, но в то же время демонстрирует, что в памяти северодвинцев преобладают профессиональные события из советского прошлого.

Символический образ города связан с восприятием Архангельского региона иногородними жителями. Сопоставления возникают в определенных коммуникативных ситуациях — во время встреч жителей других городов с архангелогородцами и северодвинцами. Чаще всего они спрашивают, есть ли в Архангельске олени; в южных городах считают, что в Архангельске по городу ходят белые медведи и пингвины, а жители Архангельска и Северодвинска ездят на собачьих упряжках. Представители старшего поколения вспоминают, что раньше в других городах им часто задавали вопрос: «А у вас там, правда, ненцы на оленях по городу ездят и треска по пять копеек?» (Тихонова Н.В., 1962 г.р.). Ненецкий автономный округ входит в состав Архангельской области, а треска во время

существования СССР стоила очень дешево. Архангельск и Северодвинск ассоциируются с холодными климатическими условиями и белыми ночами, поэтому традиционный вопрос, который можно услышать от южан: «А правда, что у вас можно книжку читать даже ночью?» (Ровенко Н.В., 1958 г.р.). Жителям как Архангельска, так и Северодвинска задают вопрос, связанный с их профессиональной деятельностью и географическим положением их населенных пунктов: «Много ли в городе моряков?», а жителей Северодвинска спрашивают, купаются ли они «в море рядом с подводной лодкой». Респонденты, имеющие чувство юмора, подтверждают это. Другие отвечают, что медведей нет, а морозы такие же, как в Питере. Фольклоризация данной диалоговой ситуации очень характерна для культуры северных городов [Разумова 2004: 16–19].

В топике устных меморатов, характеризующих Архангельск и его жителей, преобладают следующие ключевые слова: «белый медведь», «лед», «олени» / «оленьи упряжки», «вечная мерзлота». Архангелогородцев и северодвинцев в других городах называют *замороженными* / *примороженными* / *обмороженными*, имея в виду особенности их темперамента и поведения. Данные экзонимы содержат этнопсихологические стереотипы восприятия жителей Архангельска и Северодвинска другими территориальными сообществами. Ключевые символы территории: *белые медведи*, *лед*, *олени*, *вечная мерзлота* и метафорические эпитеты *замороженные* / *примороженными* / *обмороженные* — естественны для характеристики региона с холодным климатом и его жителей.

Существуют практически одни и те же стереотипы восприятия жителей Архангельска и Северодвинска населением других регионов. Они связаны с представлениями о географическом положении этих городов на море и их холодном климате. Отношение к жителям Северодвинска дополнительно связано с их профессиональной деятельностью.

Одним из факторов, актуализирующих идентичность, является возможность межгруппового сравнения, которое представляет основание для оценивания «своей» и «чужой» группы. В ситуации сравнения (а в определенных случаях — противопоставления) с группой «чужих» четко обозначаются критерии идентичности. В фольклорно-речевой практике жителей Северодвинска и Архан-

гельска реализуются стереотипные представления о себе. Северяне противопоставляют особенности своего характера и поведения характеру южан. Они считают, что северяне более добрые, честные, спокойные, воспитанные, искренние, гостеприимные, несуетные, немногословные, более чистоплотные и трудолюбивые, чем южане. В существующей оппозиции «южане / северяне» важна не принадлежность к какому-нибудь отдельному городу, а признание своим местом жительства Севера. Оппозиция актуальна для жителей всего Архангельского Севера. Сравнивая себя с южанами, северяне приписывают себе только позитивные характеристики. Архангелогородцам, как и многим другим местным сообществам, свойствен этноцентризм, поэтому они считают, что их везде уважают, а моряки из других городов будто бы радуются, когда узнают, что их собеседник из Архангельска. Рассказывание подобных историй является способом подтверждения самоидентификации с городом.

Респонденты признают различные конститутивные признаки группы своими и отождествляют себя с нею. Образ типичного жителя Архангельска во многом совпадает с характеристикой всех северян. По мнению наших респондентов, он отличается следующими чертами: замкнутостью, честностью, твердостью, выносливостью, свободолобием, чувством собственного достоинства, добродушием, сдержанностью, верностью слову. В определении особенностей характера архангелогородца наши респонденты манифестируют традицию описания характера помора, сложившуюся в краеведческой, художественной и научной литературе [Шергин 1924; Гемп 2004; Личутин 2010; Филатов, Лункин]. Поморы — небольшая по численности этнографическая группа старожильческого населения на Белом море, основным занятием которой являются морские промыслы [Куратов 2001б: 317].

Типичными чертами северодвинцев наши респонденты называли трудолюбие, гостеприимство, доброжелательность горожан и их физическую выносливость. Большое место среди ответов заняли характеристики, имеющие лексическое значение «равнодушие» и «апатия», — спокойствие, отсутствие инициативы. Горожане считают себя интровертами. Говоря о типичном северодвинце, информанты часто называют его *заводчанином*, *работягой* (встречается даже метафорическое наименование *человек-завод*), таким образом

они подчеркивают важность промышленных предприятий в жизни горожан и однотипность их деятельности.

В самоидентификации архангелогородцев и северодвинцев существует много общего, но на автостереотипы архангелогородцев оказала влияние сложившаяся в литературе традиция изображения поморов.

Нас интересовали взаимоотношения архангелогородцев и северодвинцев и характеристики, которые они дают друг другу. Архангелогородцы старшего поколения, которые помнят, что Северодвинск был закрытым военным городом, считают его более образованным и элитным, потому что он в силу своей профессиональной специализации более интересен государству. По их мнению, по этой причине в нем меньше случаев алкоголизма, криминала и тунеядства, ибо профиль работы воспитал в людях чувство ответственности. Сам город они считают более чистым и благоустроенным, чем Архангельск. В то же время подчеркивается его бóльшая провинциальность в сравнении с Архангельском, которая, по их мнению, выражается в том, что северодвинцы более искренние и отзывчивые, чем архангелогородцы. Нам при сравнении Архангельска и Северодвинска встретилось утверждение Б. Шоу: «Чем больше город, тем более одиноким чувствует себя в нем человек» (В.И. Зорин, Архангельск, 1957). Респондент имел в виду, что Северодвинск — провинциальный город по отношению к Архангельску, поэтому он более комфортен для душевного состояния человека. Северодвинцы, говоря об отличиях от архангелогородцев, в свою очередь, приписывают себе и своему городу положительные характеристики: считают себя интеллигентнее, проще и добрее, а улицы города чище, чем в Архангельске. Они отмечают разницу в инфраструктуре этих городов и темпе жизни.

Архангельск и Северодвинск имеют свои символические образы. Бóльшую часть символов Архангельска составляют культурные и культурно-ландшафтные, в меньшей степени — производственные. В качестве символических объектов Архангельска наши респонденты называют Музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», Северный народный академический хор, сказки архангельского писателя С.Г. Писахова, деревянные мостовые, которые сохранились до сих пор на некоторых улицах

города, и деревянные дома. Они представляют Архангельск деревянным городом XVI в. или городом с деревянными постройками безотносительно к какому-нибудь историческому периоду, иногда городом, занесенным снегом. Небольшая часть респондентов назвала в качестве символического объекта места массовых расстрелов, проходивших под Архангельском в 1920–1930-е годы. Изобразительный образ города навеян горожанам иллюстрациями к сказкам С.Г. Писахова архангельского художника С. Сюхина. Еще одним символом Архангельска респонденты называют весенний запах дерева. Меньшую часть символических объектов составляют производственные — к ним относят судоремонтный завод «Красная кузница» и морской порт. Горожане старшего поколения, хорошо знающие творчество местных писателей, отмечают, что литературный образ Архангельска сложился для них на основе их произведений.

Символические образы Северодвинска можно разделить на пять групп: природно-ландшафтные, культурно-ландшафтные, производственные, музыкальные и культурные (литературные и кинематографические). Наши респонденты отметили, что Северодвинск для них — это замерзшее, покрытое снегом побережье Белого моря, режа — само Белое море, дюны, глыба льда в бушующем океане, ели, покрытые белым пушистым снегом, болото. К производственным образам относятся судостроительный завод, подводные лодки, море с выплывающей из него подводной лодкой (последний образ можно рассматривать как производственно-ландшафтный). В эту группу мы включили памятники, связанные с профессиональной деятельностью северодвинцев. Среди них — памятник, сделанный в виде корабельного винта бывшему директору Севмашпредприятия Г.Л. Просянкину, и две стелы: одна из них установлена в честь строителей города, вторая — в честь создания города Северодвинска в 1938 г. на месте бывшего поселка Судострой. К музыкальным образам относятся шум прибоя, крики чаек, гимн Северодвинска («Где много лет на Белом море, в краю болот, ветров, дождей Никольский храм стоял в дозоре российских вольных рубежей. Там вырос город корабелов, и с морем он неразделим»)¹.

¹ Музыка М.С. Приходько, слова А.В. Ипатова.

К культурным — музыкально-поэтический фильм «С высоты птичьего полета», вышедший на экран в 2006 г., в котором Северодвинск представлен как центр атомного судостроения, и строки из стихотворений об этом городе. Среди северодвинских образов по сравнению с архангельскими преобладают ландшафтные и производственные, культурные образы представлены в незначительной степени, в ряде из них культурная символика объединяется с производственной.

Проявление локальной идентичности связано с наличием известных людей, с которыми идентифицирует себя местное сообщество. Среди них жители Архангельска в первую очередь называют деятелей, внесших большой вклад в историю, культуру и науку города, — это исследовательница поморской культуры К.П. Гемп, писатель-сказочник С.Г. Писахов, детский писатель Е.С. Коквин, ученый, занимающийся архитектурой старого Архангельска, Ю.А. Барашков, руководитель Детской школы народных ремесел В.Н. Бурчевский, бывший ректор Архангельского государственного технического университета А.Л. Невзоров, директор Архангельского областного молодежного театра В.П. Панов, местный чудак Древарх, скандально известный журналист И. Азовский, местный магнат В.Я. Крупчак. В каждый период жизни города значимой личностью является действующий мэр.

Круг людей, которых считают известными северодвинцы, более узкий. В него входят бывшие директора заводов Г.Л. Просянкин, Н.Я. Калистратов, Д.Г. Пашаев и действующий мэр М.А. Гмырин. Таким образом, в Архангельске среди известных людей преобладают деятели культуры и науки, в Северодвинске — производственники и управленцы.

Подведем некоторые итоги. Особенности локальной идентичности населения Северодвинска и Архангельска тесно связаны с историческими процессами. История Архангельска насчитывает более четырех веков, в историко-культурном смысле он воспринимался как центральный город Русского Севера и «средоточие» традиционной культуры. Архангельску противоположен Северодвинск, возникший как индустриальный город. Локальная идентичность северодвинцев демонстрирует ценности модернизированного общества, которые можно отнести к сфере цивилизации,

но не культуры. Существование самоназваний у жителей Архангельска и Северодвинска свидетельствует об их развитом локальном самосознании. Они осознают себя самостоятельными локальными группами. В этнопсихологическом отношении жители обоих городов считают себя спокойными, уравновешенными, умеющими переносить трудности и противопоставляют себя населению Центральной России. Кроме того, локальная идентичность большинства жителей Северодвинска совпадает с профессиональной.

Архангельск, на наш взгляд, имеет свою смысловую доминанту — это северный город-порт, отправной пункт всех арктических экспедиций, жители которого обладают, по их собственному мнению, поморским самосознанием. То, что к его символам относятся музей деревянного зодчества и народной культуры «Малые Корелы» и Северный народный академический хор, отчасти подтверждает, что современные архангелогородцы подчеркивают свою преемственность с носителями крестьянской культуры Русского Севера. Смысловая доминанта Северодвинска — это город-завод на Белом море, на котором строятся подводные лодки. Символические образы Архангельска и Северодвинска совпадают в ландшафтном отношении. Информанты отмечают просторы, свойственные городам, море и заснеженные зимы. Кроме того, частичное совпадение образов существует и на уровне профессиональной деятельности: Архангельск для респондентов старшего возраста — город корабелов и моряков, Северодвинск для респондентов всех возрастов — город корабелов.

Предпринятый анализ показывает, что жители Архангельска и Северодвинска имеют положительную и негативную локальную идентичность. Респонденты с положительной идентичностью обладают более глубокой исторической памятью. Они хорошо знают прошлое своего города, имеют любимые места и маршруты, им нравится природный ландшафт, они испытывают гордость за место своего проживания и видят дальнейшие перспективы его развития. Респонденты с негативной и нейтральной идентичностью носителями этой памяти не являются. Они мало знают об истории и известных людях города, плохо ориентируются в его настоящем и готовы переехать из города, если им представится такая возможность. Для регионального самосознания важно, что у города есть особая история и многовековой опыт развития в качестве одного из культурно-политических

центров России. Архангельск долгое время был столицей Русского Севера, поэтому его жители имеют более развитое региональное самосознание, чем северодвинцы. Наряду с устойчивой идентичностью в качестве архангелогородцев жители Архангельска зачастую имеют другие локальные идентичности, связанные с исторической родиной их предков, преимущественно в этой роли выступает какой-нибудь населенный пункт в одном из районов Архангельской области. Население Архангельска «выросло» из своего сельского окружения. У северодвинцев собственные, во многом иные основания для самоидентификации. Северодвинск является городом-анклавом, чему способствует его географическое положение на берегу Белого моря и профессиональная специализация горожан. Поэтому в Северодвинске, как и в Архангельске, на уровне региональной идентичности существует городской патриотизм.

Источник

ФА САФУ (Фольклорный архив Северного Арктического федерального университета). Ф. 1, 2, 27.

Библиография

Абашев В.В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.

Аганитов Ф.С. Архангельск: попытки переименования города 1928–1929 // Поморская энциклопедия: в 5 т. Т. 1: История Архангельского Севера. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2001. С. 44.

Алексеевский М.Д., Жердева А.М., Лурье М.Л., Сенькина А.А. Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 419–442.

Алексеевский М.Д., Лурье М.Л. Могилев-Подольский: особенности локального текста // Штетл, XXI век. Полевые исследования / Под ред. В.А. Дымшиц, А.Л. Львова, А.В. Соколовой. СПб.: Изд-во ЕУ в СПб, 2008. С. 196–198. (Studia Ethnologica; вып. 5).

Ахметова М.В. Пространство города Муром глазами его жителей // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 13: Традиционная культура современного города / Под ред. А.С. Каргина. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 85–111.

Бондаревский С.К. Двадцатый отдел // Северодвинск. Испытание на прочность. Очерки, воспоминания, исследования / Под ред. А.А. Масленникова. Архангельск: Изд-во «Правда Севера», 1998. С. 228–235.

Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2. С. 60–70.

Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений / Вст. ст. Д.С. Лихачева, Ф.А. Абрамова; науч. ред. В.Н. Булатов; подгот. С.Я. Косухина, Л.С. Скепнер. 2-е изд., доп. М.: Наука; Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004. 637 с.

Головнева Е.В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2013. № 2. С. 81–88.

Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004. 432 с.

Дранникова Н.В. Архангельские церкви и святые в устных рассказах горожан // Рябининские чтения — 2015 / Под ред. Т.Г. Ивановой. Петрозаводск, 2015. С. 35–38.

Дранникова Н.В., Разумова И.А. Исторический город в современном фольклоре // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 13: Традиционная культура современного города / Под ред. А.С. Каргина. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 9–27.

Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

Змеева О.В., Разумова И.А. Фольклорно-этнографические реалии в системе локальной символики (на материале северных «исторических» городов) // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры / Под ред. И.И. Муллонен. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 313–319.

Кабинина Н.В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 342 с.

Кортаев В.И. Русский Север в конце XIX — первой трети XX в. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1998. 189 с.

Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб.: Императорская Академия наук, 1792. 274 с.

Крупкин П.Л. Эволюционная теория архетипов Юнга: архетипические моменты в структуре коллективной идентичности // Публичное управление: теория и практика. 2010. № 3–4. С. 303–311.

Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в сегодняшней России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 35–48.

Куратов А.А. Архангельск // Поморская энциклопедия: в 5 т. Т. 1: История Архангельского Севера. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2001а. С. 41–43.

Куратов А.А. Поморы // Поморская энциклопедия: в 5 т. Т. 1: История Архангельского Севера. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2001б. С. 317.

Куратов А.А. Северодвинск // Поморская энциклопедия: в 5 т. Т. 1: История Архангельского Севера. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2001в. С. 364.

Личутин В.В. Что за дивное племя чудь... // Литературная газета. 2010. № 9. С. 15.

Лурье М.Л. Локальный текст города и его словарное описание // Штетл, XXI век. Полевые исследования / Под ред. В.А. Дымшиц, А.Л. Львова, А.В. Соколовой. СПб.: Изд-во ЕУ в СПб., 2008. С. 186–196. (Studia Ethnologica; вып. 5).

Мельник А.Г. Николо-Корельский монастырь второй половины XVI века и русская святость // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2013. № 12. С. 37–40.

Мельник Т.Ф. Ягринский ИТЛ в Молотовске // Каторга и ссылка на Севере России / Под ред. М.Н. Супруна. Архангельск: КИРА, 2006. С. 216–244.

Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политэкс. СПб., 2008. № 4. С. 139–151.

Огородников С.Ф. История Архангельского порта. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1875. 377 с.

Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1890. 333 с.

Петрушин В.А. На берегах Двины и Кудьмы. Архангельск: Изд-во «Правда Севера», 2004. 194 с.

Разумова И.А. Несказочная проза провинциального города // Современный городской фольклор / Под ред. С.Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2003. С. 544–559.

Разумова И.А. Про академика Ферсмана, «обманный камень» и «лунный пейзаж»: современный фольклор заполярного города // Живая старина. 2004. № 1. С. 16–19.

Разумова И.А. Экстремальность как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Живущие на Севере: Вызов экстремальной среде / Под ред. П.В. Федорова, Ю.П. Бардиловой, Е.И. Михайлова. Мурманск: МГПУ, 2005. С. 91–95.

Разумова И.А. Культурные ландшафты Кольского Севера. Социально-антропологические очерки. СПб.: Изд-во «Гамас», 2009. 160 с.

Разумова И.А. Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера // Адаптация народов и культур к из-

менениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Под ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, В.А. Тишкова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 290–298.

Сойкин П.П. Корельский Николаевский монастырь в Архангельском уезде // Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб.: Воскресение, 1994. С. 44–47.

Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945 гг. М.: Андреевский флаг, 1997. 364 с.

Суси П.И. Нация, культура и кризис идентичности: эссе о мультикультурных обществах // Этничность. Национальные движения. Социальная практика / Под ред. В. Дресслер-Холохан. СПб.: Петрополис, 1995. С. 65–69.

Трошина Т.И. Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918). Архангельск: КИРА, 2008. 169 с.

Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? / Под ред. А.В. Рябова, М. Макфола. М.: Гэндальф, 1999. С. 87–136.

Филатов С., Лункин Р. Другая Святая Русь. Духовный опыт возрождения Русского Севера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/5/fil.html>.

Шергин Б.В. У Архангельского города, у корабельного пристанища: сборник старин. М.; Пг.: ГИЗ, 1924. 52 с.

Шмигельский Л.Г. Светлый и трагический документ эпохи // Северодвинск. Испытание на прочность. Очерки, воспоминания, исследования / Под ред. А.А. Масленникова. Архангельск: Изд-во «Правда Севера», 1998. С. 99–102.

Шмигельский Л.Г. Ченслер (Ченслор, Чанселлор) Ричард // Поморская энциклопедия: в 5 т. Т. 1: История Архангельского Севера. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2001. С. 436–437.

Шмигельский Л.Г. История Северодвинска и Севмашпредприятия. Северодвинск: Северодвинская тип., 2013. 232 с.

Шубин С.И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2000. 460 с.

Шубин С.И. Региональная политика Советского государства в 1920–1930-е годы и ее реализация в Северном крае: дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2002.

Я знаю: город будет! Тем, кто строил Северодвинск, посвящается / Под ред. А.А. Масленникова, Е. Бойко. Северодвинск, 2006. 231 с.

Dundes A. Defining Identity through Folklore // Identity: Personal and Socio-Cultural / Ed. A. Jacobson-Widding. Uppsala, 1982. P. 235–261.

Honko L. Epic and Identity: National, Regional, Communal, Individual // Oral Tradition. 1996. № 11/1. P. 18–36.

Honko L. Studies on tradition and cultural identity: an introduction // Theoretical Milestones / Ed. P. Hakamies, A. Honko. Helsinki, 2013. P. 303–323.

Potiropoulos P. “Narrating” Local Identity in a Greek Border Community // Narratives Across Space and Time: Transmissions and Adaptations. Proceedings of the 15th Congress of the I.S.F.N.R. (June 21–27, 2009 Athens). Athens, 2014. Vol. III. P. 95–110.

References

Abashev V.V. Perm' kak tekst: Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 2000. 404 p.

Agapitov F.S. Arkhangel'sk: popytki pereimenovaniia goroda 1928–1929. Pomorskaia entsiklopediia: Vol. 1–5. Vol. 1: Istoriia Arkhangel'skogo Severa. Arkhangel'sk: Izd-vo Pomor. un-ta, 2001. P. 44.

Alekseevskii M.D., Zherdeva A.M., Lur'e M.L., Sen'kina A.A. Materialy k “Slovari lokal'nogo teksta Mogileva-Podol'skogo”. Antropologicheskii forum. 2008. no. 8. Pp. 419–442.

Alekseevskii M.D., Lur'e M.L. Mogilev-Podol'skii: osobennosti lokal'nogo teksta. Shtetl, XXI vek. Polevye issledovaniia. Pod red. V.A. Dymshits, A.L. L'vova, A.V. Sokolovoi. St.-Petersburg: Izd-vo EU v St.-Petersburg, 2008. Pp. 196–198. (Studia Ethnologica; vyp. 5).

Akhmetova M.V. Prostranstvo goroda Murom glazami ego zhitelei. Slavianskaia traditsionnaia kul'tura i sovremennyi mir. Vyp. 13: Traditsionnaia kul'tura sovremennogo goroda. Ed. A.S. Kargin. Moscow: GRTsRF, 2010. Pp. 85–111.

Bondarevskii S.K. Dvadsatyi otdel. Severodvinsk. Ispytanie na prochnost'. Ocherki, vospominaniia, issledovaniia. Pod red. A.A. Maslennikova. Arkhangel'sk: Izd-vo “Pravda Severa”, 1998. Pp. 228–235.

Bourdieu P. Struktura, gabitus, praktika. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 1998. no. 2. Pp. 60–70.

Gemp K.P. Skaz o Belomor'e. Slovar' pomorskikh rechenii. Vst. st. D.S. Likhacheva, F.A. Abramova; nauch. Eds. V.N. Bulatov, S.Ia. Kosukhina, L.S. Skepner. 2-e izd., dop. Moscow: Nauka; Arkhangel'sk: Izd-vo Pomor. un-ta, 2004. 637 p.

Golovneva E.V. Regional'naia identichnost': teoreticheskie aspekty izucheniia. Ural'skii istoricheskii vestnik. Ekaterinburg, 2013. no. 2. Pp. 81–88.

Drannikova N.V. Lokal'no-gruppovye prozvishcha v traditsionnoi kul'ture Russkogo Severa. Funktsional'nost', zhanrovaia sistema, etnopoetika. Arkhangel'sk: Izd-vo Pomor. un-ta, 2004. 432 p.

Drannikova N.V. Arkhangel'skie tserkvi i sviatyte v ustnykh rasskazakh gorozhan. Riabininskie chteniia — 2015. Ed. T.G. Ivanova. Petrozavodsk, 2015. Pp. 35–38.

Drannikova N.V., Razumova I.A. Istoricheskii gorod v sovremennom fol'klore. Slavianskaia traditsionnaia kul'tura i sovremennyi mir. Vyp. 13: Traditsionnaia kul'tura sovremennogo goroda. Ed. A.S. Kargin. Moscow: GRTsRE, 2010. Pp. 9–27.

Zamiatin D.N. Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov. Moscow: Znak, 2006. 488 p.

Zmeeva O.V., Razumova I.A. Fol'klorno-etnograficheskie realii v sisteme lokal'noi simvoliki (na materiale severnykh «istoricheskikh' gorodov). "Kalevala" v kontekste regional'noi i mirovoi kul'tury. Ed. I.I. Mullonen. Petrozavodsk: KarNTs RAN, 2010. Pp. 313–319.

Kabinina N.V. Substratnaia toponimiiia Arkhangel'skogo Pomor'ia. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2011. 342 p.

Korotaev V.I. Russkii Sever v kontse XIX — pervoi treti XX v. Problemy modernizatsii i sotsial'noi ekologii. Arkhangel'sk: Izd-vo Pomor.un-ta, 1998. 189 p.

Krestinin V.V. Kratkaia istoriia o gorode Arkhangel'skom. St.-Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1792. 274 p.

Krupkin P.L. Evoliutsionnaia teoriia arkhetyпов Iunga: arkhetypicheskie momenty v strukture kollektivnoi identichnosti . Publichnoe upravlenie: teoriia i praktika. 2010. no. 3–4. Pp. 303–311.

Krupkin P.L., Lebedev S.D. K sakral'nym osnovaniim lokal'nykh identichnosti v segodniashnei Rossii: opyt strukturnogo analiza. Sotsiologicheskii zhurnal. 2013. no. 4. Pp. 35–48.

Kurатов A.A. Arkhangel'sk. Pomorskaia entsiklopediia: Vol. 1–5. Vol. 1: Istoriiia Arkhangel'skogo Severa. Arkhangel'sk: Izd-vo Pomor. un-ta, 2001a. Pp. 41–43.

Kurатов A.A. Pomory. Pomorskaia entsiklopediia: Vol. 1–5. Vol. 1. Istoriiia Arkhangel'skogo Severa. Arkhangel'sk: Izd-vo Pomor. un-ta, 2001b. P. 317.

Kurатов A.A. Severodvinsk. Pomorskaia entsiklopediia: Vol. 1–5. Vol. 1. Istoriiia Arkhangel'skogo Severa. Arkhangel'sk: Izd-vo Pomor. un-ta, 2001v. P. 364.

Lichutin V.V. Chto za divnoe plemia chud'... . Literaturnaia gazeta. 2010. no. 9. P. 15.

Lur'e M.L. Lokal'nyi tekst goroda i ego slovarnoe opisanie . Shtetl, XXI vek. Polevye issledovaniia. Pod red. V.A. Dymshits, A.L. L'vova, A.V. Sokolovoi. St.-Petersburg: Izd-vo EU v St.-Petersburg, 2008. Pp. 186–196. (Studia Ethnologica; v. 5).

Meľnik A.G. Nikolo-Koreľskii monastyr' vtoroi poloviny XVI veka i ruskaia sviatost'. Solovetskoe more: istoriko-literaturnyi al'manakh. Arkhangel'sk; Moscow, 2013. no. 12. Pp. 37–40.

Meľnik T.F. Iagrin'skii ITL v Molotovske . Katorga i ssylka na Severe Rossii / Pod red. M.N. Supruna. Arkhangel'sk: KIRA, 2006. Pp. 216–244.

Morozova E.V., Ul'ko E.V. Lokal'naia identichnost': formy aktualizatsii i tipy. Politeks. St.-Petersburg, 2008. no. 4. Pp. 139–151.

Ogorodnikov S.F. Istoriia Arkhangel'skogo porta. St.-Petersburg: Tip. Morskogo min-va, 1875. 377 p.

Ogorodnikov S.F. Ocherk istorii goroda Arkhangel'ska v torgovo-promyshlennom otnoshenii. St.-Petersburg: Tip. Morskogo min-va, 1890. 333 p.

Petrushin V.A. Na beregakh Dviny i Kud'my. Arkhangel'sk: Izd-vo "Pravda Severa", 2004. 194 p.

Razumova I.A. Neskazochnaia proza provintsial'nogo goroda. Sovremennyi gorodskoi fol'klor. Ed. S.Iu. Nekliudov. Moscow: RGGU, 2003. Pp. 544–559.

Razumova I.A. Pro akademika Fersmana, "obmannyi kamen" i "lunnyi peizazh": sovremennyi fol'klor zapoliarnogo goroda. Zhivaia starina, 2004, no. 1. Pp. 16–19.

Razumova I.A. Ekstremal'nost' kak faktor lokal'noi identichnosti zhitelei Kol'skogo Severa. Zhivushchie na Severe: Vyzov ekstremal'noi srede. Eds. P.V. Fedorov, Iu.P. Bardileva, E.I. Mikhailov. Murmansk: MGPU, 2005. Pp. 91–95.

Razumova I.A. Kul'turnye landshafty Kol'skogo Severa. Sotsial'no-antropologicheskie ocherki. St.-Petersburg: Izd-vo "Gamas", 2009. 160 p.

Razumova I.A. Migratsionnyi opyt i formirovanie lokal'noi identichnosti zhitelei Kol'skogo Severa. Adaptatsiia narodov i kul'tur k izmeneniiam prirodnoi sredy, sotsial'nym i tekhnogennym transformatsiiam. Eds. A.P. Derevianko, A.B. Kudelin, V.A. Tishkov. Moscow: ROSSPEN, 2010. Pp. 290–298.

Soikin P.P. Koreľskii Nikolaevskii monastyr' v Arkhangel'skom uezde. Pravoslavnye russkie obiteli: Polnoe illiustrirovannoe opisanie pravoslavnykh russkikh monastyrei v Rossiiskoi imperii i na Afone. St.-Petersburg: Voskresenie, 1994. Pp. 44–47.

Suprun M.N. Lend-liz i severnye konvoi, 1941–1945 gg. Moscow: Andreevskii flag, 1997. 364 p.

Cusi P.I. Natsiia, kul'tura i krizis identichnosti: esse o mul'tikul'turnykh obshchestvakh. Etnichnost'. Natsional'nye dvizheniia. Sotsial'naia praktika. Pod red. V. Dressler-Kholokhan. St.-Petersburg: Petropolis, 1995. Pp. 65–69.

Troshina T.I. Velikaia voina... Zabytaia voina... Arkhangel'sk v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918). Arkhangel'sk: KIRA, 2008. 169 p.

Turovskii R.F. Regional'naia identichnost' v sovremennoi Rossii. Rossiiskoe obshchestvo: stanovlenie demokraticeskikh tsennostei? Eds. A.V. Riabov, M. Makfol. Moscow: Gendal'f, 1999. Pp. 87–136.

Filatov S., Lunkin R. Drugaia Sviataia Rus'. Dukhovnyi opyt vozrozhdeniia Russkogo Severa [Elektronnyi resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/5/fi1.html>.

Shergin B.V. U Arkhangel'skogo goroda, u korabel'nogo pristanishcha: sbornik starin. Moscow; Petrograd: GIZ, 1924. 52 p.

Shmigel'skii L.G. Svetlyi i tragicheskii dokument epokhi. Severodvinsk. Ispytanie na prochnost'. Ocherki, vospominaniia, issledovaniia. Pod red. A.A. Maslennikova. Arkhangel'sk: Izd-vo "Pravda Severa", 1998. Pp. 99–102.

Shmigel'skii L.G. Chensler (Chenslor, Chansellor) Richard. Pomorskaia entsiklopediia: Vol. 1–5. Vol. 1. Istoriiia Arkhangel'skogo Severa. Arkhangel'sk: Izd-vo Pomor. un-ta, 2001. Pp. 436–437.

Shmigel'skii L.G. Istoriiia Severodvinska i Sevmashpredpriiatiia. Severodvinsk: Severodvinskaia tip., 2013. 232 p.

Shubin S.I. Severnyi kraj v istorii Rossii. Problemy regional'noi i natsional'noi politiki v 1920–1930-e gody. Arkhangel'sk: Izd-vo Pomor. un-ta, 2000. 460 p.

Shubin S.I. Regional'naia politika Sovetskogo gosudarstva v 1920–1930-e gody i ee realizatsiia v Severnom krae: dis. ... d-ra ist. nauk. Arkhangel'sk, 2002.

Ia znaiu: gorod budet! Tem, kto stroil Severodvinsk, posviashchaetsia. Eds. A.A. Maslennikov, E. Boiko. Severodvinsk, 2006. 231 p.

Dundes A. Defi ning Identity through Folklore. Identity: Personal and Socio-Cultural. Ed. A. Jacobson-Widding. Uppsala, 1982. Pp. 235–261.

Honko L. Epic and Identity: National, Regional, Communal, Individual. Oral Tradition. 1996. no 11/1. Pp. 18–36.

Honko L. Studies on tradition and cultural identity: an introduction. Th eoretical Milestones. Ed. P. Hakamies, A. Honko. Helsinki, 2013. Pp. 303–323.

Potiropoulos P. "Narrating" Local Identity in a Greek Border Community. Narratives Across Space and Time: Transmissions and Adaptations. Proceedings of the 15th Congress of the I.S.F.N.R. (June 21–27, 2009 Athens). Athens, 2014, vol. 3. Pp. 95–110.